

RU

Теонимическая лексика осетинского языка

Таказов Ф. М.

Аннотация. Цель исследования – выявить семантику теонимов как в мифологических текстах, так и в повседневной речи осетинского языка. Научная новизна данного исследования заключается в том, что впервые проводится анализ использования в речевой конструкции терминов, отражающих имена сакральных персонажей небесной сферы. В результате исследования были выявлены три пласта формирования мифологической лексики в осетинском языке под влиянием древнеиранской, христианской и кавказской религиозно-мифологических систем. Отдельные аспекты мифологии становились объектом исследований, однако теонимы как часть мифологической лексики осетинского языка впервые рассматриваются как прецедентный феномен. В статье проводится анализ теонимической лексики на предмет использования в речевой конструкции терминов, отражающих имена сакральных персонажей верхнего мира, и выявляется семантика теонимов как в мифологических верованиях, так и в повседневной речи осетинского языка. В ходе исследования было установлено, что теонимические термины и их семантика часто имеют глубокие символические и метафорические значения, которые сложно передать в других языках или культурах.

EN

Theonymic vocabulary of the Ossetian language

Takazov F. M.

Abstract. The study aims to identify the semantics of theonyms, both in mythological texts and in everyday speech of the Ossetian language. The study is novel in that it is the first to analyse the use of the terms reflecting the names of sacred characters of the celestial sphere in speech structure. As a result of the study, three layers of the formation of mythological vocabulary in the Ossetian language under the influence of the ancient Iranian, Christian and Caucasian religious and mythological systems were identified. Certain aspects of mythology have already become the object of research, but theonyms as a part of the mythological vocabulary of the Ossetian language are being considered as a precedent phenomenon for the first time. The paper analyzes theonymic vocabulary to showcase the use of the terms reflecting the names of sacred characters of the upper world in speech structure and identifies the semantics of theonyms, both in mythological beliefs and in everyday speech of the Ossetian language. The study found that theonymic terms and their semantics often possess deep symbolic and metaphorical meanings that are difficult to convey in other languages or cultures.

Введение

Актуальность научного исследования теонимической лексики осетинского языка обусловлена несколькими факторами.

Во-первых, теонимическая лексика является важной частью культуры осетин и отражает особенности мифологии, верований и обрядов. Изучение теонимической лексики помогает сохранить и понять богатое культурное наследие осетинского народа.

Во-вторых, изучение теонимической лексики осетинского языка может способствовать развитию лингвистической и этнографической науки. Анализ теонимических терминов и образов позволяет расширить понимание осетинской культуры, мифологии и менталитета. Это важно для сравнительных исследований, сопоставления с другими культурами и языками, а также для изучения осетинского языка в контексте его эволюции и развития.

В-третьих, изучение теонимической лексики позволяет лучше понять символику и смысловое содержание осетинской мифологии, литературы и искусства, а также способствует развитию научных дисциплин.

Значение теонимической лексики в языке не ограничивается только художественным или ритуальным использованием. Она также отражает особенности мышления, верований и культурных ценностей народа,

которому принадлежит язык. Конкретные термины и их семантемы часто имеют глубокие символические и метафорические значения, которые сложно передать в других языках или культурах.

Исследование предполагает решение следующих задач:

1. Установить своеобразие формирования теонимической лексики осетин.
2. Определить особенности заимствований христианской и кавказской религиозно-мифологической лексики в осетинском языке.

3. Проанализировать теонимическую лексику, отражающую имена сакральных персонажей небесной сферы.

Теоретической базой послужили труды ученых, разрабатывающих исследовательское направление, основанное на изучении истории мифологической лексики осетинского языка на широкой сравнительно-исторической базе (Абаев, 1989, с. 104), а также исследованиях темпоральной лексики осетинского фольклора (Дарчиева, 2014). Важным достижением изучения мифологической лексики осетинского языка стал анализ семантики слов в культурно-историческом контексте (Моргоева, 2020).

При исследовании мифологической лексики осетинского языка были применены следующие методы: этимологический подход, контекстуальный анализ и сравнительное исследование.

Этимологический подход основан на изучении происхождения слов и их связи с другими языками. При этом методе проводится исследование теонимической лексики в ее историческом развитии, чтобы определить, как мифологическая лексика была сформирована и использовалась в осетинском языке.

Для изучения мифологической лексики важно рассмотреть ее употребление в текстах и разговорной речи, чему способствует проведение контекстуального анализа.

Сравнительный подход позволяет сопоставить мифологическую лексику осетинского языка с лексикой и мифологиями других культур для выявления сходств и различий.

Основным принципом исследования мифологической лексики является направленность на контекст мифологии и теонимии осетинского народа. Важно понимать, что мифология не существует изолированно, а тесно связана с историей, верованиями и прежде всего с языком.

Источниками фактического материала для исследования мифологической лексики стали фольклорные тексты, а также историко-этимологические словари осетинского языка:

- Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка: в 5-ти т. М. – Л.: АН СССР, 1958. Т. 1.
- Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка: в 5-ти т. Л.: Наука, 1989. Т. 4.
- Нартæ. Мифологи æма эпос дигорон æвзагбæл / киунутæ исаразтонцæ Скъодтати Эльбрус æма Къибирти Амурхан [Нарты. Мифология и эпос на дигорском языке / сост. А. Я. Кибиров и Э. Б. Скюдтаев]. Владикавказ: Ир, 2005.
- Дигорон адæмон уадзæндзурдтæ / Дзагурти Губадий æнбурдгондæй [Осетинские (дигорские) народные изречения / из собрания Г. А. Дзагурова]. Изд-е 2-е, испр. Владикавказ: Издательско-полиграфическое предприятие им. В. Гассиева, 2011.
- Ирон æмбисæндтæ / чынг сарæзта Гуытъяты Хъазбек [Осетинские пословицы и поговорки / сост. К. Ц. Гутиев]. Орджоникидзе: Ир, 1976.
- Ирон адæмон сфæлдыстад / чынг сарæзта Салæгаты Зоя [Осетинское народное творчество: в 2-х т. / сост. З. М. Салагаева]. Владикавказ: Ир, 2007. Т. 2.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования результатов данной работы при проведении научных изысканий по лексикологии осетинского языка, сравнительно-сопоставительному языкознанию и лингвокультурологии, а также при изучении осетинской мифологии. Полученные данные могут оказать практическую помощь и переводчикам мифологических текстов с осетинского языка на русский.

Обсуждение и результаты

Мифологическая лексика осетинского языка тесно связана с архаическими верованиями и древнейшей культурой народа, формировавшейся в различных социально-политических условиях и под определенным влиянием разной этнической среды. В формировании мифологии осетин отчетливо просматриваются три пласта.

Наиболее древний пласт относится к древнеиранской эпохе, о чем свидетельствует сравнительный анализ зороастрийской и осетинской мифологий (Сатцаев, 2008, с. 24). В. И. Абаев (1990, с. 104), обратив внимание на присутствие в осетинских религиозно-мифологических воззрениях осетин древнеиранских и даже древнеиндоевропейских элементов, при этом не сохранивших ничего зороастрийского, указывает на многие авестийско-осетинские параллели, которые, по его предположению, восходят к дозороастрийским временам. На основе реконструкции религиозно-мифологических воззрений ираноязычных кочевников А. А. Туаллагов (2001, с. 245) возводит осетинскую мифологию к древней общеиранской системе. Французский исследователь нартского эпоса осетин разглядел в образе эпических героев «тени скифских богов» (Дюмезиль, 1976, с. 17).

В отличие от остальных иранских народов, формирование осетинской мифологии пошло обособленными путями. При общности культуровой терминологии и ярко выраженных рефlekсах общеиндоевропейских представлений, по мнению И. С. Брагинского и А. А. Лелекова (1987, с. 560), идеологические основы всех этих циклов заметно различались, отражая разницу в уровнях социально-экономического и культурного развития.

Следующий пласт в мифотворчестве осетин восходит к христианскому влиянию. Осетины, входившие в образовавшийся на Северном Кавказе аланский союз, оказались в орбите проникшего в среду алан христианства

в конце X века (Кузнецов, 1992, с. 102-122). В результате христианской экспансии на старые верования, по мнению В. И. Абаева, «наложился мощный слой христианской терминологии и обрядности» (1990, с. 104). В то же время Б. А. Калоев (1971, с. 283) приходит к выводу, что праздники, принявшие христианскую терминологию, по своему содержанию и происхождению не имеют отношения к христианству, приобретая только внешний облик новой веры.

Помимо христианства, на эволюцию осетинской мифологии на протяжении почти 2 тысяч лет огромное влияние оказывала мифология народов Кавказа. Из кавказской мифологии идет, к примеру, осетинский мифологический персонаж «лагсирд» ‘человек-зверь’, «саблегрудый» лесной демонологический персонаж, распространенный почти у всех народов Кавказа под именем «Алмасты». А имя сакрального персонажа верхнего мира в мифологии осетин *Уасхо*, которого призывали во время клятвы, восходит к адыгскому культовому термину *уашху/уашхо* ‘небесный свод’ (Абаев, 1989, с. 57).

Безусловно, мифология осетин в своей основе сохранила праиндоевропейскую и древнеиранскую традицию, однако христианство и кавказская мифология оставили заметный след, отразившись не только в сюжетах и мотивах, но и в теонимической лексике осетин.

Теонимическая лексика представляет собой набор слов, терминов и выражений, которые связаны с мифологией – системой мифов и религиозных представлений древних сообществ. Она играет важную роль в языке, поскольку отражает культурные и мировоззренческие аспекты.

Одним из ключевых аспектов теонимической лексики является ее символическое значение. Каждое слово или выражение в мифологической лексике обычно несет глубокий символический смысл, отражающий основные идеи и ценности культуры, в которой они возникли. Эти символы и аллегории помогали древним сообществам передавать и сохранять свои мифические и религиозные верования через поколения.

Кроме того, теонимическая лексика может использоваться для создания метафор и образов. Употребление теонимических терминов в языке позволяет людям передать сложные и абстрактные идеи путем сравнения их с мифологическими историями и персонажами. Это помогает сделать язык более экспрессивным и образным, а также обогащает культурный и интеллектуальный контекст общения.

Теонимическая лексика осетинского языка имеет большое значение для изучения осетинской культуры и идентичности. Значение теонимической лексики в языке не ограничивается только художественным или ритуальным использованием. Она также отражает особенности мышления, верований и культурных ценностей осетинского народа. Использование теонимической лексики позволяет углубить понимание культурных традиций и представлений народа и передать их из поколения в поколение, способствует погружению в древнюю мифологию и проникновению в мир верований и представлений народа.

Некоторые аспекты мифологической лексики осетинского языка становились объектом исследований. Так, например, Л. Б. Моргоева (2020, с. 44-48) рассматривает семантику слова *рон* ‘пояс, ремень’ в осетинском языке в контексте его функционального значения в скифской и осетинской мифологии. В исследовании формул-оберегов как особых типов устойчивых выражений Л. Б. Моргоева (2014) затрагивает использование в таких выражениях лексических единиц, отражающих названия сакральных персонажей осетинской мифологии. Отдельные стороны мифологической лексики осетинского языка освещаются в работе М. В. Дарчиевой (2014, с. 4-40) при анализе языковых средств, участвующих в формировании национальной языковой картины мира.

Мифологическую лексику рассматривал в своих работах и В. И. Абаев (1958), прежде всего в контексте ее этимологического разбора. Он также довольно подробно останавливается на анализе некоторых имен сакральных персонажей из осетинской мифологии (*Авд дзуары, Авдеу, Уайуэ*) (Абаев, 1962, с. 445).

Однако необходимо отметить, что теонимы как часть мифологической лексики в осетинском языке никогда не рассматривались. В этой связи данная статья решает задачу восполнения пробелов в изучении теонимической лексики осетинского языка.

Одним из ключевых аспектов мифологической лексики осетинского языка является богатство и разнообразие названий, относящихся к сакральным персонажам верхнего мира. Осетинская мифология включает в себя пантеон небожителей, каждый из которых является носителем определенных качеств и функций. К некоторым из наиболее распространенных сакральных персонажей осетинской мифологии относятся следующие.

– *Хуцау* (Бог) – невидимый сакральный персонаж, сотворивший, по представлениям осетин, три мира: верхний, средний и нижний. Согласно мифологическим преданиям, «Бог местом своей обители выбрал вселенский свет. Проявлением вселенского света являются силы: небо, ветер, земля, вода и огонь.

Небо является жилищем Бога, земля – его опорой, его истоком; ветер – его духом, его путями, его местами для походов; вода, огонь – орудием для освящения (очищения), (орудием) для выбора жизни» (Нартæ, 2005, с. 11).

Термин *Хуцау* воспроизводит мифологический архетип образа, что наглядно отражает его этимология. Первая часть имени *Ху* восходит к древнеиранскому *hu* ‘рождать, производить на свет’, вторая часть *-цау* – производное от древнеиранского *-tava* ‘сила’. В целом этимология *Хуцау* воспроизводится как ‘рождающая, производящая сила’ (Таказов, 2013).

Термин *Хуцау*, помимо мифологии, широко используется и в языке, при этом неся те же смысловые концепты, что и в мифологических нарративах.

Так, например, для характеристики ничтожного человека *Хуцау* используется как показатель уровня самомнения человека:

«*Минкбий лæг Хуцауи хæццæ дæр ерис кæнуй*» (Дигорон адæмон уадзæндзурдтæ, 2011, с. 82). / «Ничтожный человек и с Богом соревнуется» (перевод здесь и далее выполнен автором статьи. – Ф. Т.).

Или когда речь идет о тщетности человеческих усилий:

«Хуыцауы фæздæгæй марæм» (Ирон æмбисæндтæ, 1976, с. 103). / «Бога дымом травим».

В значении величия Хуцау часто употребляется в качестве сравнительной степени:

«Уосæфхуæрд Хуцауи æфхуæрдæй дæр зиндæр æй» (Дигорон адæмон уадзæндзурдтæ, 2011, с. 117). / «Быть обиженным женой тяжелее, чем быть обиженным Богом».

«Мæнæ Хуыцауы диссаг!» (Ирон æмбисæндтæ, 1976, с. 3). / «Вот диво божественное!».

Когда речь идет о сомнениях или о невозможности знать что-либо, то Хуцау используется со словом 'знает' как вводное словосочетание:

«Ци фæциудæй, Хуцау зонуй, уæдта 'й Хуцау еу тагæмæ бахаста» (Ирон адæмон сфæлдыстад, 2007, с. 51). / «Сколько прошел, Хуцау (Бог) его знает, но Хуцау (Бог) его привел в одну рошу».

В осетинском языке возрастающая степень качества одного предмета может быть выражена и формой сравнительной степени, которая образуется с помощью повторения имени существительного (Багаев, 1965, с. 188):

«Йа Хуцаути Хуцау, мæхе Хуцау, зæронд лæг æма уосæ ан æма нæ æвæстаг ма искæнæ» (Ирон адæмон сфæлдыстад, 2007, с. 152). / «О Бог Богов, мой Бог, мы старик и старуха, и не оставь нас без наследника».

При этом речь не идет о наличии множества богов. Хотя форма Хуцаути отражает множественное число и может переводиться как 'Боги', однако в данном случае выражение «Хуцаути Хуцау» 'Бог Богов' равнозначно образованию сравнительной степени по подобию «существительное + существительное» – «хъæлнæгъти хъæлнæгъ» (букв. 'кукурузный стебель кукурузных стеблей', т. е. 'самый длинный кукурузный стебель').

Седьмой день недели называется хуцаубон 'воскресенье' (букв. Хуцау – 'Бог' + бон 'день').

Таким образом, Хуцау в осетинском языке может использоваться в качестве степени сравнения или как вводное словосочетание, сохраняя при этом символическую внутреннюю форму.

– Уастырджи/Уасгерги – покровитель воинов, путников, защитник честных людей, бич воров, убийц и плутов, посредник между Хуцау 'Бог' и людьми. Он способен перевоплощаться: перед земледельцем предстает в образе плугаря или погонщика волов, перед пастухом – в образе чабана. Часто он помогает юноше в розыске подходящей невесты, играя роль шафера.

Имя Уастырджи производно от имени святого Георгия – уас 'божественный, божественная весть' + стыр 'великий' + джи 'сокращение имени Георгий', хотя в его образе нет ничего от христианского святого Георгия (Таказов, 2014, с. 21). В современном осетинском языке термин уас часто переводится на русский язык как 'святой'. Потому имя Уастырджи стали переводить как 'святой Георгий', что вводит в заблуждение относительно восприятия этих двух образов. Уастырджи в осетинской мифологии никогда не являлся человеком, хотя может появиться среди людей в образе конкретного мужчины. Святой Георгий же был реальным человеком. Кроме того, сюжеты и мотивы с Уастырджи в осетинской мифологии не имеют никаких сходжений с сюжетами преданий о святом Георгии.

Так как Уастырджи может предстать перед человеком в разных ипостасях, его имя произносится с определением, характеризующим его функции в конкретных обстоятельствах: Къæсæри Уастырджи/Уасгерги (букв. 'Уастырджи порога') – функционально отвечал за покровительство тех, кто перешагивал через порог дома; Ныхасы Уастырджи (букв. 'Уастырджи места народного собрания, форума') – покровительствовал тем, кто принимал участие в нихасе, общественном собрании, народном форуме; Сесаннæ Уасгерги (букв. 'Уасгерги долины Сесанна') – покровительствовал путникам, направлявшимся из Дигорского ущелья через долину Сесанна в крепость Моздок.

К Уастырджи обращались при самых разных обстоятельствах. Его именем проклинали или благословляли. Его имя часто произносится рядом с именем Хуцау («Хуыцау æмæ Уастырджийы хорзæхх дæ уæд!» 'Будь благословен Хуцау и Уастырджи').

Часто имя Уастырджи/Уасгерги произносится с эпитетами – золотой Уастырджи (сугъзæрийнæ Уасгерги), золотокрылый (сугъзæрийнæбазургин), сильный (тукгин), доблестный (бæгъатæр), искрокий (цæхæрцæстæ), подобно грому летящий (тæхгæ-нæргæ).

В связи с тем, что произношение имени Уастырджи/Уасгерги табуировано для женщин, называли его Лæгти изæд (букв. 'Ангел мужчин').

Согласно осетинским мифам, Уастырджи равнодушен был к женскому полу, что породило у мужской части прозвище Устыты мой (букв. 'Муж женщин').

– Тотур/Тутыр (в иронском диалекте) – в осетинской мифологии властелин волков и покровитель быков (волово). Без его воли ни один волк не смеет нападать на домашних животных. Разгневавшись на кого-либо из людей, мог натравить на его скот волков.

С именем Тотура связан и Новый год в традиционном календаре осетин – Тотуртæ (Дни Тотура), приуроченный к весеннему равноденствию 21 марта и справлявшийся 2 недели. До принятия современного календаря осетины Новый год отмечали 21 марта. Март месяц в осетинском языке называется Тотурти мæйæ. Отсюда и названия новогоднего праздника Тотуртæ. Осетинский Тотурта тождествен иранскому Новруз.

Как повествуют некоторые мифы, Тотур разозлил Хуцау за то, что тот возомнил себя Богом. По некоторым вариантам, Хуцау утопил его в море. Отсюда его прозвище – Донласт Тотур (букв. 'Утопленник Тотур').

Имя Тотура широко используется в осетинском языке для обозначения различных традиций и обрядов:

Тотури æмбурд / Тутыры æмбырд (букв. 'собрание Тотура') – так называли общественное собрание для разрешения текущих хозяйственных, военных и других вопросов. Собрание, на котором имели право присутствовать только женатые мужчины, приурочивали к первым дням празднования Тотурта.

Тотури комдарæн / Тутыры комдарæн (букв. 'соблюдение поста Тотура') – так обозначали соблюдение постов в определенные дни двухнедельного праздника Тотурта.

Тотури гъолаæ / Тутыры хъул (букв. 'альчик Тотура') – так называли изготовленную в дни *Тотурта* небольшую трехгранную серебряную пирамиду, которую использовали до следующего Нового года в качестве оберега от козней злых сил.

Тотури киунугæ / Тутыры чиныг (букв. 'Тотура книга') – так именовали изготовленный в дни празднования *Тотурта* амулет от глаза для детей.

Тотури цаæу / Тутыры цаæу (букв. 'козел Тотура') – так называли козла, которого закалывали на празднике в день осеннего равноденствия в честь Тотура.

Перечисленные сакральные персонажи в осетинской мифологии относятся к так называемым *изæдтæ/зæдтæ* (зэды) и *идаугутæ/дауджытæ* (дуаги).

Изæд (мн. ч. *изæдтæ*) восходит к древнеиранскому *yazata*- 'кому приносят жертвы' (Абаев, 1989, с. 291).

Идаугæ (мн. ч. *идаугутæ*) восходит к древнеиранскому *vitavaka* '(небесные) силы' (Абаев, 1958, с. 349).

К разряду зэдов и дуагов, помимо *Уастырджы* и *Тотура*, относится множество других сакральных персонажей осетинской мифологии: *Уацелла, Елиа / Уацилла* (Уацилла) – повелитель грома и молний, покровитель урожая; *Хуарелдар/Хорæлдар* (Хоралдар) – покровитель хлебных злаков; *Фæлвæра* (Фалвара) – покровитель мелкого домашнего скота; *Æфсати* (Афсати) – покровитель охотников и диких животных; *Алаурди/Аларды* (Аларды) – повелитель эпидемических болезней (оспы и кори); *Галæгон* (Галагон) – повелитель ветров; *Донбеттæр* (Донбеттар) – повелитель водной стихии; *Гæтæг* (Гатаг) – повелитель рек и родниковых вод и др.

Если слово *идаугæ* (дуаг) употребляется в языке только в отношении сакральных персонажей, то словом *изæд* (зэд) могут наградить человека из-за его положительных черт:

«*Еу бони изæд – алли бони изæд*» (Нартæ, 2011, с. 147). / букв. 'На один день зэд – навсегда зэд'.

Так говорят о человеке, проявившем себя с положительной стороны, тем самым оставшемся навсегда таким же положительным в памяти людей.

«*Еске цийнæй ирæзун – изæди нисан*» (Нартæ, 2011, с. 243). / букв. 'Радоваться чужой радости – показатель зэда, т. е. показатель хорошего человека'.

Использование *изæд* в контексте данного предложения представляет собой метафору, позволяющую передать образ положительного человека. С помощью превращения мифологического термина в метафору смысл предложения звучит более емко и более выразительно, чем при употреблении нейтральной фразы «хороший человек» ('*хуарз адæймаг*'). Именно применение термина *изæд* превращает всю фразу в поговорку.

Заключение

Итак, термин *Хуцау* отражает мифологический архетип образа Бога и имеет значение «рождающая, производящая сила». В то же время имя данного теонима в осетинском языке может использоваться для демонстрации тщетности человеческих усилий. При рассмотрении этого аспекта осетинской мифологии выясняется, что *Хуцау* в осетинском языке употребляется не только в контексте религии и мифологии, но и в повседневной речи для выражения сравнительных отношений и неопределенности.

Различные эпитеты *Уастырджы*, используемые в обиходной речи, позволяют получить представление о важной роли мифологического персонажа *Уастырджы* в осетинской культуре и верованиях.

Как правило, имя *Уастырджы* на русский язык переводят как «святой Георгий», что может вводить читателя в заблуждение, так как они представляют совершенно разные образы.

В осетинском языке имя *Тотура*, используемое для обозначения различных традиций и обрядов, также выходит за рамки употребления лишь как теонима.

Тотур в языке стал не только обозначать мифологического персонажа, властелина волков и покровителя быков, но и использоваться как название весеннего месяца, соотносимого в современном календаре с мартом. Его имя во множественном числе (*Тотуртæ*) используется, кроме того, для обозначения осетинского Нового года, приуроченного к весеннему равноденствию (21 марта).

Мифологическая лексика в осетинском языке не ограничивается перечисленными выше сакральными персонажами и образами. Одним из ключевых аспектов мифологической лексики осетинского языка является богатство и разнообразие названий, относящихся к небесной сфере осетинской мифологии. Однако приведенные примеры позволяют понять не только осетинскую мифологию, но и богатство языковых символов. Изучение мифологической лексики осетинского языка раскрывает семантику отдельных слов, словосочетаний и фразеологизмов.

Как показало исследование, использование сакральной лексики вне мифологических текстов переводит лексические единицы в метафоры. Превращение мифологической лексики в метафоры позволяет создать образы в уме слушателя или читателя, что помогает лучше представить и понять содержание предложения.

Кроме того, анализ мифологической лексики показал, что при передаче таких лексических единиц на русском языке недопустимо переводить близкими по значению религиозно-мифологическими терминами русского языка, так как при этом происходит искажение семантики осетинских мифологических терминов. Поэтому такие термины представляют сложности при переводе на русский язык.

В целом использование мифологической лексики значительно обогащает текст, делая его более понятным, эмоционально насыщенным и запоминающимся для читателя или слушателя. Кроме того, изучение

теонимической лексики помогает нам понять связь между языком и культурой, а также раскрыть семантику некоторых метафор. Исследование особенностей использования теонимической лексики не только расширяет наши знания о внутренней дивергенции языковой семьи, но также вносит вклад в общее понимание лексического разнообразия осетинского языка.

Исследование предоставляет новые перспективы для дальнейших изысканий в области лексикологии осетинского языка. Кроме того, основные положения работы могут быть применены при разработке специальных курсов по языкознанию, мифологии, этнологии и религиоведению для студентов гуманитарных факультетов вузов.

Источники | References

1. Абаев В. И. Дохристианская религия алан // Абаев В. И. Избранные труды. Религия, фольклор, литература / отв. ред. и сост. В. М. Гусалов. Владикавказ: Ир, 1990.
2. Абаев В. И. Культ «семи богов» у скифов // Древний мир: сб. статей. М.: Наука, 1962.
3. Багаев Н. К. Современный осетинский язык: в 2-х ч. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1965. Ч. I.
4. Брагинский И. С., Лелеков А. А. Иранская мифология // Мифы народов мира: энциклопедия: в 2-х т. М.: Наука, 1987. Т. 1.
5. Дарчиева М. В. О темпоральной лексике в языке осетинского фольклора // Вопросы литературы и фольклора: сб. науч. статей. Владикавказ: ИПК СОИГСИ, 2014. Вып. VII. Ч. 1.
6. Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. М.: Наука, 1976.
7. Калоев Б. А. Осетины. М.: Наука, 1971.
8. Кузнецов В. А. Очерки истории алан. Владикавказ: Ир, 1992.
9. Моргоева Л. Б. Семантика слова в культурно-историческом контексте // Тенденции развития науки и образования. 2020. № 68-6.
10. Моргоева Л. Б. Формулы-обереги как особый тип устойчивых выражений // Фундаментальные исследования. 2014. № 9.
11. Сатцаев Э. Б. Нартовский эпос и иранская поэма Шахнаме (сходные сюжетные мотивы). Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2008.
12. Таказов Ф. М. Архетип мифонима Хуцау в религиозно-мифологических воззрениях осетин // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 6.
13. Таказов Ф. М. Мифологические архетипы модели мира в осетинской космогонии. Владикавказ, 2014.
14. Туаллагов А. А. Скифо-сарматский мир и нартовский эпос осетин. Владикавказ: СОГУ, 2001.

Информация об авторах | Author information

Таказов Федар Магометович¹, д. филол. н.

¹ Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева – филиал Владикавказского научного центра Российской академии наук

Takazov Fedar Magometovich¹, Dr

¹ North Ossetian Institute of Humanitarian and Social Research named after V. I. Abaev – branch of the Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

¹ fedar@mail.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 13.11.2023; опубликовано online (published online): 27.12.2023.

Ключевые слова (keywords): осетинский язык; теонимическая лексика; мифология осетин; сакральные персонажи; метафоры; Ossetian language; theonymic vocabulary; mythology of Ossetians; sacred characters; metaphors.